

НОЧЛЕГ ФРАНСУА ВИЙОНА

Был конец ноября 1456 года. Снег засыпал Париж с неумолимой, безжалостной настойчивостью: порывы ветра то подхватывали его и закручивали в летящие над землей воронки, то спадали, и тогда снежные хлопья спускались с темных небес медленно, неотвратно и нескончаемо. Проходим, смотревшим в вышину из-под намокших бровей, казалось, что только чудом можно объяснить, откуда берется столько снега. У Франсуа Вийона, который наблюдал за снегопадом, стоя у окна таверны, было на этот счет два предположения: либо это сам бог Юпитер ошпиывает гусей на Олимпе, либо ангелы линяют. «Но кто я такой? — продолжил свои размышления Франсуа, — всего лишь магистр искусств, который в вопросах, касающихся божественного, ничего не смыслит». Старый придурковатый священник из Монтаржи, сидевший с их компанией, угостил молодого магистра бутылкой вина, оценив его шутку и гримасы, которые ее сопровождали, а затем поклялся своей седой бородой в том, что в возрасте Вийона и сам был таким же богохульником.

Ветер дул сырой и колючий, только-только начинало подмораживать; хлопья падали крупные, влажные и липкие. Весь город словно накрыло пуховым

одеялом. Вражеская армия могла бы промаршировать из одного его конца в другой, и никто бы не встре-пенулся, чтобы протрубить тревогу. Если бы сейчас в небе парила припозднившаяся птица, остров Сите предстал бы ей как огромная белая заплата, а мосты, как тонкие белые стежки на черном рукаве реки. Высоко над землей снег облепил ажурные башни собора. Часть ниш на фасаде занесло полностью; многие статуи словно нацепили огромные белые шляпы на свои гротескные или святые, с нимбами, головы. Горгульи превратились в чудовищные фальшивые носы, свисавшие долу. Резной орнамент из листьев стал походить на взбитые подушки, завалившиеся набок. Между порывами ветра было слышно, как глухо звенит капель, ударяясь о плиты паперти.

Кладбище Сен-Жан тоже получило свою порцию снега. Могилы были прилично укрыты; дома с высокими белыми крышами выстроились вокруг в торжественном строю; богатые буржуа уже давно почивали в постелях, напялив ночные колпаки, так напоминавшие крыши их обиталищ. Нигде не виднелось ни огонька, только фонарь, висевший на церковных хорах, раскачиваясь, бросал короткие отсветы, разгоняя тени. Еще не было десяти, когда мимо кладбища, хлопывая от холода руками, прошли стражники с алебардами и фонарями; им ничего не показалось подозрительным в этих местах.

Однако тут был небольшой домишко, притулившийся к кладбищенской стене, в котором еще не спали, и не спали по причине каких-то темных делишек, посреди всей этой мирно сопевшей во сне округи. Правда, домишко ничем себя не выдавал; лишь дымок сочился из трубы на крыше, вокруг которой обтаял снег, да нечеткие отпечатки следов от ног виднелись

перед входной дверью. Но внутри за плотно закрытыми ставнями окон магистр Франсуа Вийон — поэт — и несколько воров из шайки, к которой он примкнул, проводили ночь, распивая вино.

От груды раскаленных углей в сводчатом камине тянуло сильным жаром. Прямо перед огнем расположился почтенный Николас, монах из Пикардии, который, подобрав сутану повыше, расставил свои толстые голые ноги, чтобы согреться. Его огромная тень рассекала комнату пополам; свет от камина мог лишь обтекать грузное тело по бокам, да разливаться небольшой лужицей у его ног. Обрюзгшее лицо монаха выдавало закоренелого выпивоху; в обычных обстоятельствах оно было сплошь покрыто сеткой прожилок багрового цвета, но сейчас бледно-фиолетовых — хоть пикардиец и сидел спиной к огню, холод все равно щипал его спереди. Капюшон сутаны монах наполовину откинул и от этого словно два странных нароста образовались по бокам его бычьей шеи. Так он и сидел, широко расставив ноги, что-то ворча, и тень от его тучной фигуры надвое рассекала комнату.

Справа от него устроились Вийон и Ги Табари. Оба склонились над обрывком пергамента: Вийон писал балладу, которую собирался назвать «Балладой о жареной рыбе», а Табари лопотал что-то восторженное у него над плечом. Поэт на вид был потертым мужчиной, смуглым, маленького роста и худым, с ввалившимися щеками, с редкими черными волнистыми волосенками. Алчность залегла сеткой морщин вокруг глазок, от злой улыбки кривились губы. В его чертах волк и свинья боролись между собой. Это было лицо острое и отвратительное, красноречиво свидетельствующее о том, что его обладатель полностью отдался земной суете. Маленькие руки с цепки-

ми, узловатыми, как веревки пальцами, постоянно мелькали у него перед лицом в резкой и выразительной жестикуляции. Что до Табари, то его неотесанность, услужливость и восторженная глупость прекрасно сочетались с вечно хлюпающим носом и слюнявым ртом: он стал вором, а мог бы с таким же успехом стать благопристойным буржуа, если бы не воля случая, который правит судьбами людей из породы гусей и ослов.

По левую руку от монаха резались в карты Монтиньи и Тевенин Пенсет. В первом из них явственно проступали черты аристократа. Он напоминал падшего ангела: стройный, гибкий, с изысканными манерами, в выражении лица что-то мрачное и орлиное. А вот бедняга Тевенин был полон благодушия: сегодня днем в предместье Сен-Жак ему удалось удачно повернуть одно дельце, и вот сейчас он все время обыгрывал Монтиньи. Широкая улыбка не сходила у него с лица; обрамленная рыжими кудряшками огромная лысина лучилась нежно-розовым светом; торчащий живот колыхался от едва сдерживаемого смеха, когда он сметал со стола очередной выигрыш.

— Удвоим или закончим? — спросил Тевенин.

Монтиньи мрачно кивнул.

— «Одни предпочитают пышный ужин», — писал Вийон, — «Хлеб с сыром, но на серебре. Или...» Или? Ну-ка, подскажи, Гвидо!

Табари захихикал.

— «Иль лишь петрушку, но на золоте», — нацарапал поэт.

Ветер снаружи усиливался, гнал перед собой плотные облака снега, а временами начинал победно завывать или стенать замогильным голосом в трубе. Мороз к ночи стал крепчать. Сложив губы в трубочку, Вийон

изобразил шум ветра: нечто среднее между свистом и воем. Это был еще один талант, который наводил жуть на пикардийца, и из-за которого тот терпеть не мог поэта.

— Слышишь, как он воет у виселицы? — спросил Вийон. — Они сейчас там болтаются, отплясывают дьявольскую джигу. Пляшите, пляшите, кавалеры, вам больше никогда не согреться! О, вот это удар! Сейчас кто-то из них шмякнулся об землю. Одним плодом меньше на трехногой мушмуле! Я говорю, почтенный Николас, холодно, наверное, сейчас на дороге в Сен-Дени?

Монах мигнул и чуть не поперхнулся, судя по тому, как заходило адамово яблоко у него на горле. Как раз у дороги на Сен-Дени стояла самая отвратительная в Париже виселица Монфокон, и упоминание о ней крепко его задело. А вот Табари понравилась шутка про мушмулу — никогда еще он не слышал, чтобы об этом так беззаботно говорили. Схватившись за бока, он разразился громким каркающим хохотом. Вийон шелкнул его по носу, отчего тот сразу же зашелся кашлем.

— Все, прекрати! — приказал поэт. — Лучше придумай рифму к слову «рыба».

— Удвоим или закончим? — упрямо повторил Монтиньи.

— С нашим удовольствием, — откликнулся Тевенин.

— В бутылке что-нибудь осталось? — спросил монах.

— Открой еще одну, — предложил Вийон. — Интересно, каким образом ты надеешься такими маленькими бутылками залить брюхо размером с бочку? И как рассчитываешь попасть в рай? Сколько ангелов потребуется, чтобы отнести туда одного монаха из Пи-

кардии? Или думаешь, что ты новый Илья-пророк, и они подгонят тебе таратайку?

— *Homini bus impossibile**, — ответил монах и наполнил свой стакан.

Табари был в полном восторге.

Вийон еще раз щелкнул его по носу.

— Смейся моим шуткам, если уж приспичит, — сказал он.

— Но это было здорово, — запротестовал Табари.

Глядя на него, Вийон поморщился и произнес:

— Лучше придумай рифму для «рыбы». Что тебе до латыни? Хорошо бы тебе ничего не знать из нее, в особенности, когда предстанешь на Страшном суде, и дьявол призовет к себе Гвидо Табари-клирика, тот самый дьявол, у которого горб на спине и раскаленные докрасна когти. Кстати, о дьяволе, — добавил он шепотом, — посмотрите на Монтиньи.

Все трое исподтишка глянули на игрока. Тому явно не везло. Рот у него слегка скривился набок; одна ноздря запала, другая раздувалась. Черный пес сидел у него на спине — так часто говорили, когда хотели напугать детей; он с трудом дышал под тяжестью своей ужасной ноши.

— Монтиньи готов пустить в ход нож, — прошептал Табари с округлившимися глазами.

Монах пожал плечами и отвернулся, а потом протянул ладони к тлеющим углям. Холод беспокоил его сейчас больше, чем чья-то чрезмерная моральная чувствительность.

— Ладно, — сказал Вийон, — давай займемся балладой. Что у нас тут, наконец, получилось? — И отбивая такт рукой, начал вслух читать ее Табари.

---

* Для человека сие невозможно (*лат.*).

На четвертой строке их прервал звук со стороны игроков. Кон был завершен, и Тевенин едва открыл рот, чтобы объявить еще об одной победе, как Монтиньи наклонился вперед и по-змеиному, молниеносно ударил его кинжалом прямо в сердце. Смерть наступила еще до того, как жертва смогла вскрикнуть или отпрянуть в сторону. Пару раз тело Тевенина конвульсивно дернулось, ладони раскрылись и сжались, пятки забарабанили по полу, затем голова скатилась на плечо, а глаза так и остались широко открытыми; душа покойного вернулась к Тому, кто создал ее.

Все тут же вскочили, но дело было закончено в два счета. Четверо оставшихся в живых с заметным страхом посмотрели друг на друга, а мертвец устался в угол потолка, странно и мерзко скосив глаза.

— О господи! — воскликнул Табари и начал вслух молиться на латыни.

Неожиданно Вийон истерически засмеялся, шагнул вперед, отвесил Тевенину нелепый поклон и захохотал еще громче. Потом так же неожиданно упал на стул, продолжая натужно смеяться, словно был не в силах остановиться.

Монтиньи первым пришел в себя:

— Давайте посмотрим, что при нем, — натренированным движением очистил карманы покойника, а потом разделил на столе все деньги на четыре равные кучки. — Это вам, — сказал он.

Тяжело вздохнув, монах забрал свою долю и бросил короткий взгляд на мертвого Тевенина, который сполз на стуле и завалился набок.

— Мы все в этом замешаны! — воскликнул Вийон. — Это грозит виселицей каждому из нас! — Вски-

нув правую руку, он провел ею вокруг горла, изображая петлю, вытянул ее вверх и словно повис на веревке, свесив голову набок и высунув язык, как бывает с повешенными. А потом отправил свою долю от мадерства в карман и зашаркал по полу, будто пытаюсь восстановить кровообращение в ногах.

Последним пришел в себя Табари; он схватил деньги, а потом забился в дальний угол комнаты.

Монтиньи усадил мертвеца на стуле в прямом положении и выдернул кинжал. Из тела струей хлынула кровь.

— Вам, ребята, лучше бы убраться отсюда, — заметил он, вытирая окровавленное лезвие о дублет жертвы.

— Думаю, да, — согласился Вийон, сглотнув. — О, черт! Эта его здоровенная башка! — вдруг завопил поэт. — Она давит на меня и душит, как комок мокроты в горле. Какое право имеет человек оставаться рыжим и после смерти? — Рухнув на табурет, он закрыл лицо руками.

Монтиньи и почтенный Николас громко рассмеялись, даже Табари робко присоединился к ним.

— Поплачь, малыш, — предложил монах.

— Я всегда говорил, что он — баба, — добавил Монтиньи с кривой усмешкой. — Сиди прямо, не можешь что ли? — продолжил он, встряхнув мертвеца. — Затопчи огонь, Ник.

Но у Ника нашлось занятие получше; он тихонько вытащил кошель у Вийона из кармана, пока тот, ослабев, сидел на том же самом табурете, на котором незадолго до этого писал балладу. Монтиньи и Табари, выразительно глядя на монаха, молча потребовали свою долю, на что тот, так же молча, пообещал им поделиться и сунул тощий кошелек себе за пазуху. Арти-

стическая натура всегда проигрывает натурам практическим.

Стоило жулику закончить свое дело, как Вийон встрепенулся, вскочил и стал помогать раскидывать и затапывать угли. Тем временем Монтиньи отворил дверь и с опаской выглянул на улицу. Путь был чист; никаких следов надоедливых стражников. Тем не менее, было принято решение уходить поодиночке; и так как Вийону не терпелось поскорее избавиться от соседства с трупом Тевенина, а остальные еще сильнее торопились избавиться от него самого, пока он не обнаружил пропажу денег, то, по общему согласию, поэт стал первым, кто вышел из домика на улицу.

Ветер праздновал свою победу, очистив небо от облаков. Вместо них остались лишь прозрачные, словно лунный свет тени, которые скользили в вышине, время от времени заслоняя собою звезды. Подморозило еще больше, а из-за обычного оптического обмана все вокруг стало выглядеть совсем по-другому, чем при свете дня. Спящий город был абсолютно неподвижен; собрание белых крыш, пространство, заполненное невысокими горками под мерцающими на небе звездами. Ну почему снег прекратился! Теперь, куда бы он ни направился, у него за спиной на сверкающих мостовых останутся отчетливые следы; куда бы ни направился, он будет привязан к домишку возле кладбища Сен-Жан; куда бы ни направился, он сам, своей тяжелой поступью сплетет веревку, которая свяжет его с преступлением и приведет на виселицу. У него в памяти вновь отчетливо возник косяй, злобный взгляд покойника. Словно подбадривая себя, Вийон прищелкнул пальцами, выбрал направление наугад и отважно двинулся вперед по заснеженной мостовой.

Две картины предстали перед его мысленным взором: как выглядит виселица Монфакон сейчас, в столь поздний час ясной, ветреной ночи — это, во-первых; а во-вторых, вид мертвеца с остатками рыжих волос вокруг лысины. От обеих картин ледяной холод сдавливал сердце, поэтому Вийон все ускорял шаг, как будто таким образом можно было с легкостью избавиться от горьких мыслей. Время от времени он нервно оглядывался через плечо, но на улице, кроме него, не было ни души, и только ветер, выворачивая из-за угла, поднимал и нес с собой снег, который уже начал смерзаться в потоки сверкающей пыли.

Вдруг он заметил в дальнем конце улицы какое-то темное пятно и огоньки фонарей. Пятно приближалось, а фонари раскачивались, словно их несли шагавшие люди. Это был отряд стражников. И хотя они должны были всего лишь пересечь ему путь, Вийон решил, что будет умнее не попадаться им на глаза и скрыться, как можно скорее. Ему не улыбалось, чтобы его окликнули, а кроме того, он понимал, что представляет собой бросающуюся в глаза цель на снегу. Слева от него возвышался огромный особняк с башенками и портиком перед входом. Вийон вспомнил, что это здание порядком разрушено и уже давно пустует. Он сделал три шага и заскочил под портик. После улицы со сверкавшим снегом, там оказалось довольно темно. Он осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки, и вдруг наткнулся на непонятную преграду, которая одновременно казалась твердой и мягкой, плотной и податливой. Сердце ушло в пятки, он отскочил назад и с ужасом взгляделся в темноту, пытаясь рассмотреть возникшее препятствие. Потом тихо рассмеялся, с облегчением. Это была всего лишь

женщина, и к тому же мертвая. Вийон присел на корточки рядом, чтобы убедиться в этом. Тело женщины стало твердым, как деревянная колода. На ветру слегка трепетали обрывки кружевной наколки в волосах, щеки женщины были густо нарумянены. В карманах пусто, но в чулке под подвязкой Вийон обнаружил пару мелких серебряных монеток. Совсем ничто! Но хоть так. Поэта вдруг тронуло до глубины души то, что ей пришлось умереть до того, как она успела истратить эту мелочь. Ему показалось, что за всем этим кроется какая-то мрачная, достойная жалости история. Он перевел взгляд с монеток в своей руке на женщину, а потом обратно и покачал головой — как все-таки много загадок задает человеческая жизнь! Генрих V Английский умер в Венсенне сразу после того, как захватил Францию, а эту бедняжку мороз настиг на пороге дома кого-то из сильных мира сего, причем она так и не успела истратить пару своих монет — как трудно вынести жестокость этого мира! На две монетки удовольствия много не купишь; однако их было вполне достаточно, чтобы ощутить вкус чего-то сладенького, прежде чем дьявол заберет душу, а тело пойдет на корм птицам и крысам. Что до него, то пусть уж свечка догорит до конца, прежде чем ее задуют и разобьют фонарь.

Пока подобные мысли роились в его голове, он машинально стал нащупывать в кармане свой кошель. И вдруг сердце у него замерло, мурашки поползли по коже, и словно ледяной удар обрушился на голову. Вийон некоторое время стоял, словно окаменевший, устремив невидящий взор в пространство, затем осознание потери навалилось на него, и тут же его бросило в пот. Деньги для кутил — что-то вроде тонкой вуали между ними и их наслаждениями! Существует

лишь одно ограничение для их наслаждения — время. Проматывая каких-то несколько крон можно ощущать себя римским императором ровно до того момента, пока они не кончатся. Для таких людей, как он, потерять деньги означало пережить огромное несчастье, из рая грохнуться в ад, в мгновение ока лишиться всего и впасть в ничтожество. Но хуже всего, ради этих денег он сунул голову в петлю; и ведь его могут вздернуть хоть завтра из-за этого самого кошелька, с таким трудом добытого и так глупо потерянного! Грязно выругавшись, Вийон швырнул две белые монетки на мостовую, вскинул кулаки над головой и потряс ими, грозя небу, затем затопал ногами и совершенно не ужаснулся тому, что попирает мертвое тело. Потом бросился назад по своим следам, чтобы вернуться в домик у кладбища. Он совершенно забыл о своем страхе перед встречей с ночными стражниками, которые в любом случае ушли куда-то. Никаких других мыслей у него не было, кроме как о потерянном кошельке. Напрасно Вийон вглядывался в снег слева и справа от дороги: ничего похожего на кошелек не было видно. Он не мог обронить его на улице. Может, потерял его там, в домике? Ему безумно хотелось вернуться и поискать, но мысль о мертвом обитателе того жилища лишала его воли. А когда Вийон все-таки добрался туда, то понял, что их усилия потушить огонь в камине не увенчались успехом; наоборот, теперь внутри дома бушевало пламя; оно пробивалось сквозь щели в двери, лезло в окна, и тогда к нему вернулся ужас, который вызывали власть и парижская виселица.

Вийон двинулся назад к особняку, а там начал рыться в сугробе в поисках монеток, которые выкинул в порыве досады. Но смог найти только одну; другая,

скорее всего, упала на ребро, и утонула глубоко в снегу. С одной этой мелкой монеткой в кармане все его мечты о бурной ночи в какой-нибудь веселой таверне улетучились полностью. И не только удовольствие, смеясь, выскользнуло из его рук; реальные лишения и боль навалились на него, пока он стоял перед портиком особняка. Пот на нем высох; хотя ветер утих, мороз, однако, крепчал с каждым часом, и поэт почувствовал, что коченеет и начинает заболеть. Что оставалось делать? Несмотря на поздний час, несмотря на сомнения в успехе, ему нужно было попытаться устроиться на ночлег в доме своего приемного отца, священника при Сен-Бенуа.

Он бежал туда всю дорогу, а оказавшись перед дверью, робко постучал. Никакого ответа! Вийон стучал снова и снова, и, наконец, послышался звук шагов. В обитой железными гвоздями двери открылось зарешеченное окошко, и оттуда хлынул поток желтого света.

— Приблизь лицо к окошку, — скомандовал изнутри голос священника.

— Это я, — прохныкал Вийон.

— О, это ты, да? — откликнулся священник и осыпал его ругательствами, совершенно непозволительными для богослужителя, а потом пожелал позднему гостю провалиться в ад, откуда тот, судя по всему, и прибыл.

— У меня руки заledenели до синевы, — умолял Вийон, — ноги перестали слушаться и ноют при ходьбе, нос заложен от морозного воздуха. Я могу околеть к утру. Только на этот раз, отец, и я больше никогда не попрошу!

— Надо было явиться раньше, — холодно заметил священник. — Время от времени, молодые люди дол-